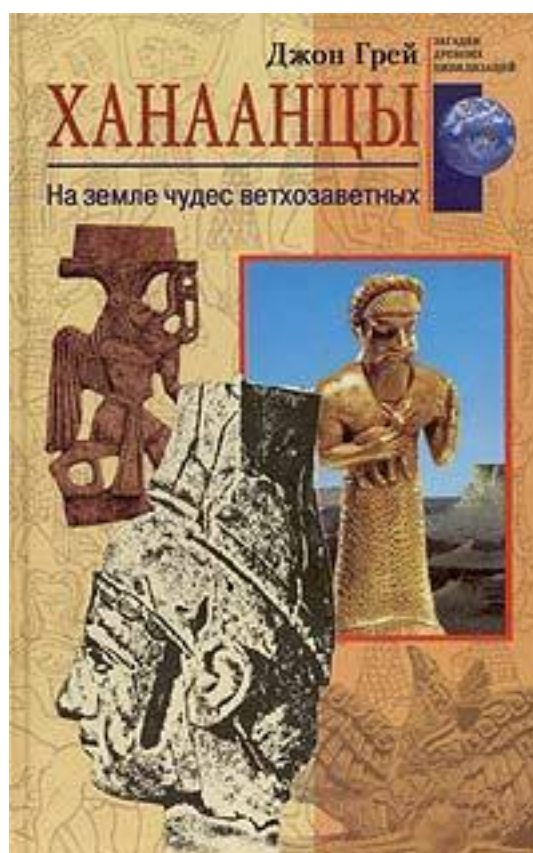

Джон Грей

ЗАГАДКИ
ДРЕВНЕЙШЕЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ХАНААНЦЫ

На земле чудес ветхозаветных

Джон Грей

**Ханаанцы. На земле
чудес ветхозаветных**

«Центрполиграф»

Грей Д.

Ханаанцы. На земле чудес ветхозаветных / Д. Грей —
«Центрполиграф»,

Книга рассказывает об истории ханаанцев – народе, населявшем территорию современной Палестины и Сирии в дохристианскую эру. Автор использует богатый документальный материал, данные археологических раскопок, древние литературные источники и воссоздает подробную картину культуры, быта и обычаев жителей древнего Ханаана.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джон Грей

Ханаанцы. На земле чудес ветхозаветных

Предисловие

Благодаря своему географическому положению Палестина и Сирия стали зоной взаимодействия крупнейших цивилизаций Месопотамии и Египта. Культура ханаанцев¹, населявших данную территорию во втором тысячелетии до н. э., в полной мере отражает это взаимодействие, хотя так и не достигла уровня развития своих великолепных соседей. Вместе с тем нельзя забывать, что ханаанцы навсегда вошли в человеческую культуру благодаря изобретению алфавита. Ограничение рамок настоящей работы вторым тысячелетием до н. э. определяется тем, что этот период был временем становления и расцвета ханаанской цивилизации.

Первые сведения о ханаанцах были обнаружены в ходе археологических раскопок в Палестине и затем существенно расширены благодаря изучению табличек из Эль-Амарны, содержавших политическую переписку ее вождей. Все эти материалы стали предметом фундаментальной работы старейшины палестинских археологов Р. Х. Винсента «Ханаанеяне в свете последних исследований», напечатанной на французском языке в 1907 году, в которой была раскрыта одна из ярких страниц истории человечества.

После появления данной работы наши знания о ханаанцах увеличились во много раз благодаря археологическим раскопкам в Сирии и Палестине, исследованию различных памятников культуры. Грандиозные открытия, сделанные в королевских гробницах в Библосе, в храмах и дворцах в Мегиддо и Бет-Шане и особенно в храме Ваала, дворцах и домах города Рас-Шамры дали огромный научный материал, о котором будет рассказано ниже.

Менее впечатляющими, но не менее значительными являются предметы из других поселений, они дают необходимый материал для сравнительных исследований, дополняя открытия, полученные в ходе изучения большого количества литературных источников и административных документов из Рас-Шамры. Возможно, что новые материалы, сейчас еще не известные исследователям, приведут к пересмотру современных представлений о происхождении ханаанцев.

Ханаанитские литературные памятники и документы из Рас-Шамры содержат более обширную информацию, чем те обобщенные выводы, которые можно найти во многих книгах по ветхозаветной истории. Настоящее исследование вызвано необходимостью собрать и проанализировать всю информацию, которая накопилась за последнее время.

Мы верим, что, несмотря на ограниченный объем, данная работа дает достаточно полное представление о масштабе и значении приводимых нами революционных по своему значению материалов, и надеемся, что читатель благосклонно примет выводы и обобщения, к которым мы пришли в подготовленных нами «Законах Ханаана».

В данной работе мы придерживаемся упрощенного написания, без ударений и диакритических знаков, обычно используемых при транслитерации семитских слов.

Воспользуемся теперь возможностью, чтобы отдать дань уважения новаторской работе Чарльза Виролло, главного редактора во всех значениях этого слова, и его преемнику Рене Дюссо. Если мы и не приняли всех их замечаний, то в полной мере воспользовались их чутким и живым опытом.

¹ В отечественной науке принято название «ханаанеи», которое мы будем употреблять параллельно с более современным словом «ханаанцы».

Отметим также самоотверженную работу профессора С. Х. Гордона, который перевел основной корпус текстов и снабдил нас превосходным грамматическим справочником. Мы также воспользовались недавними переводами и специальными комментариями в трудах профессора Г. Р. Драйвера («Ханаанитские мифы и легенды», 1956) и профессора Дж. Айстлейтнера («Мифологические и культовые тексты из Рас-Шамры», 1959, и «Словарь угаритского языка», 1963).

Приносим свою благодарность профессору О. Эйсфельду (Галле, Германия), который возглавил исследования после смерти профессора Дж. Айстлейтнера в 1960 году, великодушно приславшего нам в подарок книгу. Выражаем свою признательность профессору О. Эйсфельду и за его превосходные и конструктивные исследования недавно обнаруженных административных текстов из дворца в Рас-Шамре и за серию исследований, посвященных религии Ханаана.

В ходе подготовки настоящей работы меня поддерживали и воодушевляли многие знакомые, например знаменитый археолог, раскопавший Рас-Шамру, профессор С. Ф. А. Шеффер, которому мы бесконечно благодарны не только за его методические и успешные полевые работы, но также за его обильные и постоянные советы и предоставленную нам «Сравнительную стратиграфию и хронологию Восточной Азии», а также за любезное предоставление материалов из Рас-Шамры для иллюстративного ряда книги.

Мне хотелось бы также поблагодарить и тех, с кем мне довелось встречаться во время раскопок в Палестине, Сирии и Ливане: Р. П. Роланда Де Во, главу французской археологической школы, и доктора Юсуфа Саада, директора Палестинского археологического музея в Иерусалиме, эмира Мориса Хебаба, директора Национального музея в Бейруте, и его помощника мистера Роджера Саида, а также Фейсала Сейрафи, директора Музея древностей в Алеппо, щедро предоставивших мне материал для иллюстраций и помогавших в моих исследованиях, а также сделавших мое пребывание на Ближнем Востоке не только полезным, но и приятным.

При подготовке рукописи существенную помощь мне оказал мой подающий надежду молодой коллега Уильям Джонсон, преподаватель факультета еврейских и семитских языков Абердинского университета. Проницательно и внимательно он прочитал рукопись и составил указатель. Вернувшись из Рас-Шамры, мистер Джонсон произвел сверку текста вместе с моей женой, за что я безмерно благодарен.

Безмерно признателен помощи Х. А. Шелли, подготовившего карты, а также М. Л. Роу из Кембриджа и мистеру М. Спинку из издательства «Теймс и Хадсон» за подготовку рисунков с учетом всех моих замечаний. Что же касается остальных рисунков и планов, то я должен отдать должное профессиональным навыкам моего друга мистера Джеймса Л. Сомервиля из Абердена. Его заинтересованность, а также терпеливое и тщательное обсуждение деталей работы оказались воистину бесценными.

И наконец, приношу свою благодарность доктору Глинну Даниэлу и всей редакции «Теймс и Хадсон» за проявленное ими терпение при тех задержках, которые были вызваны подбором иллюстраций, и за их умелое руководство в тех деталях, которые сопровождали подготовку рукописи.

Джс. Грей

Глава 1

Введение

Чаще всего о ханаанцах узнают из Ветхого Завета. Там говорится, что они составляли большую часть населения Палестины, поглощенной Израилем, стремившимся занять «страну с молочными реками и кисельными берегами». Ветхозаветные пророки, проповедники и переписчики Ветхого Завета с негодованием говорят об «отвратительных ханаанейцах». Их ярость вызвана тем, что многие евреи поклонялись ханаанским божествам плодородия Ваалу и Аштарот, с культом которых было неразрывно связано представление о неукоснительном следовании естественным проявлениям природы, то есть о сексуальной свободе.

В настоящей работе мы будем опираться на материалы и документальные свидетельства, полученные в результате многочисленных археологических раскопок. Они дают подробную и наиболее объективную картину культуры и быта жителей Древнего Ханаана.

Название «Ханаан» происходит от семитского слова «кинахна», которым жители Месопотамии во втором тысячелетии до нашей эры обозначали часть сирийского побережья Средиземного моря от залива Александретта (современный Искендерун) до мыса Кармель. Отсюда они получали высоко ценившуюся ими пурпурную краску (кинахху), которую там производили из раковин, добытых в прибрежных водах.

Более узкое и, соответственно, более специфическое употребление названия Ханаан встречается в Ветхом Завете. Иисус Навин называет землей Ханаанской окрестности Сидона (Нав., 13: 4), пророк Исаия – окрестности Тира (Ис., 23: 11). В Книге Судей говорится о царях Ханаанских, которые сражались около вод Мегиддонских на западе великой центральной равнины Палестины (Суд., 5: 19).

В последнем случае говорится о жителях крупных поселений этой равнины и верхней Галилеи (то есть Хазора), которые имели торговые связи с жителями городов сирийского побережья (если быть более точным, финикийцами или ханаанцами) и восприняли их культуру и религию, что подтверждается многочисленными археологическими раскопками.

Еще одно значение можно обнаружить в Книге Чисел, где говорится о ханаанеях, которые живут «при море и на побережье Иордана» (Числ., 13: 29). Их главным культурным и торговым центром был Хазор, расположенный близ удобной переправы к югу от озера Хулах, через которую проходил путь в Дамаск и еще одна дорога вела на север через водораздел Иордана и Литании, затем к финикийскому побережью. Правитель Хазора в Книге Судей назван «правителем Ханаана» (Суд., 4: 2, 23–24).

Однако сведения, которые приводятся в библейских книгах, основываются на устных преданиях. Поскольку к моменту их составления прошло 400–500 лет, эти предания прошли через память двенадцать – пятнадцать поколений. К тому же они, несомненно, подверглись тенденциозной обработке в соответствии с идеологическими взглядами, соответствующими времени записи. Поэтому перед историками встает естественный вопрос о достоверности этих сведений. Одно из средств их проверки – сопоставление с документальными источниками, обнаруженными в результате археологических раскопок.

О Ханаане неоднократно упоминается в переписке египетского правительства с вождями и египетскими чиновниками из Сирии и Палестины, сохранившейся в табличках из Телль-эль-Амарны. Иудейские авторы называли ханаанцами своих палестинских предшественников, хотя перечисление ханаанеян в одном ряду с амореями, хеттами, хивитами, периситами, гиргашитами и ебушитами указывает на их осведомленность в исключительной этнической пестроте, характерной для данного района.

Вместе с тем сегодня совершенно ясно, что, несмотря на упоминание в амарнских табличках, в Ветхом Завете «Ханаан» и «ханаанеяне» употребляются как собирательные обозначения всей Палестины до появления там иудеев, а не как названия определенной культурной или этнической группы. Поэтому этническое значение термина представляется второстепенным и скорее относится к семитам, составлявшим основную часть населения и оказавшим определяющее влияние на их культуру и язык.

Фактически этнический термин «аморейцы», употребляемый для обозначения семитского населения Сирии и Палестины во втором тысячелетии, является более удобным, чем «ханаанеяне». Культурное единство Сирии и Палестины, к которому применяется распространённый термин «Ханаан», подтверждается соответствием многочисленных упоминаний о ханаанейской культуре в Ветхом Завете и археологическими находками из различных поселений на данной территории и документальными свидетельствами из Рас-Шамры.

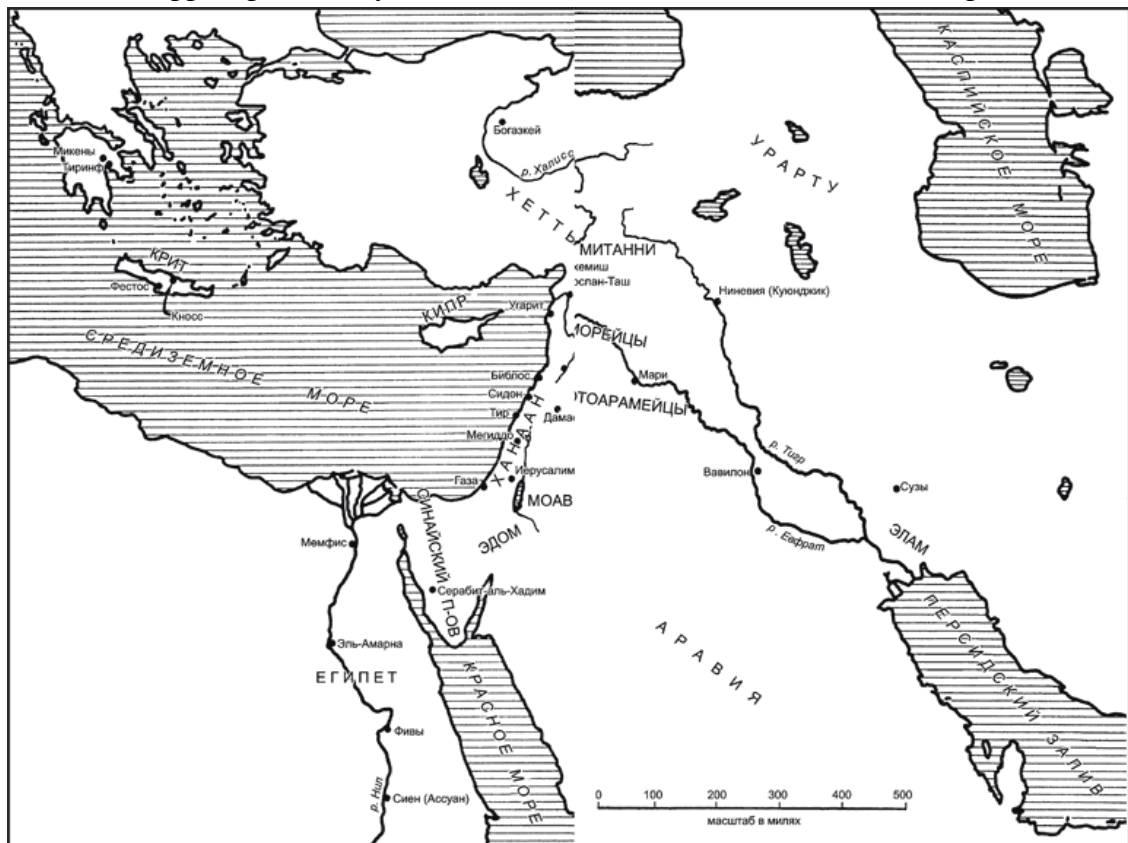

Рис. 1. Карта Ближнего Востока во втором тысячелетии до н. э.

И в Палестине, и в Сирии постоянно искали замену природным ресурсам больших рек, подобных Евфрату, Тигру или Нилу, благодаря которым были возможны орошение, навигация и техника, стимулировавшие развитие культуры в Месопотамии и Египте.

Искусственные водосборные сооружения на западе Сирии и Палестины в период зимних дождей наполнялись водой из облаков, которые рождались дувшим с моря ветром и обильной росой с весны до позднего лета. Восточная часть Палестины находилась в стороне от зоны интенсивных дождей. Постоянный недостаток воды привел к сосредоточению отдельных независимых поселений вокруг местных источников и пригодных для обработки земель, часто изолированных друг от друга из-за различных природных условий.

Жизнь на грани выживания в условиях постоянных угроз засухи, налетов саранчи из пустыни или вторжений кочевников привела к тому, что сообщества выработали устойчивость к внешним воздействиям, но их политическое устройство практически не совершенствова-

лось. В данном районе не могло сложиться сильное государство, охватывающее всю территорию и отличающееся сильной монолитной культурой. Напротив, в данном регионе складывались предпосылки для ассимиляции культур Египта и Месопотамии, Крита и Микен.

По существу, в войне и мире, дипломатии, торговле, средствах сообщения и культуре ханааняне всегда выбирали золотую середину между Месопотамией и Египтом. Данную особенность подтверждают многочисленные археологические находки, особенно результаты раскопок в Рас-Шамре, Древнем Угарите, расположенном на севере сирийского побережья. Политическое влияние Египта и торговые связи с Месопотамией достигают наибольшей силы в конце бронзового века (примерно в 1600–1200 годах до н. э.). Именно уникальное географическое положение на своеобразном культурном перекрестке позволило ханаанянам внести в развитие человечества столь уникальный вклад, как изобретение алфавита.

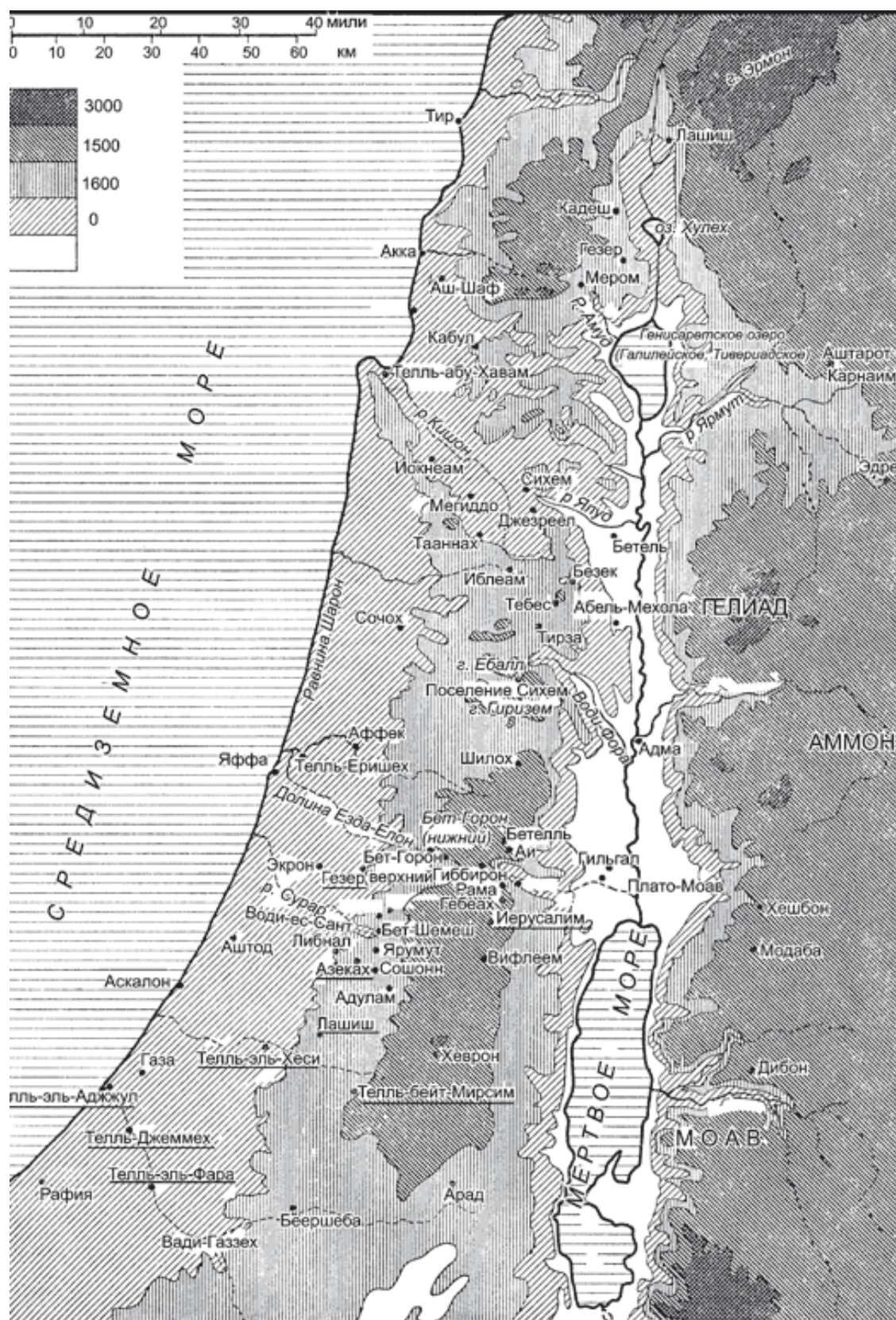

Рис. 2. Карта Палестины во время бронзового века

Превосходный анализ археологических находок, проведенный великим археологом-доминиканцем Л. Винцентом в книге «Ханаан по раскопкам последнего времени» (1900), показал необходимость дальнейших раскопок и привлек к палестинским поселениям внима-

ние археологов. Некоторые поселения, например Телль-эль-Закария, Телль-Джуддейда, Телль-эс-Сандаханна или Телль-эс-Сафи, расположенные на западном склоне гор Иуды, не представляют особого интереса для нашего предмета исследования. Только поселение Телль-эль-Хеси (возможно, Эглон), расположенное на краю прибрежной равнины в 15 милях от Газы, интересно своими курганами, стратификационные датировки которых выделяются сэром Флиндерсом Петри и Ф. О. Блиссом (1891–1893).

Раскопки в Иерусалиме, проведенные с 1894-го по 1897 год, не дали существенных результатов. Гораздо более плодотворными были работы в Телль-Таанеке, Гизе и Мегиддо. Именно на добытых там данных по датировке поселений основывался в своей реконструкции Ханаана Л. Винсент.

После Первой мировой войны, когда была создана научная методика страгиграфической датировки, появилась возможность не только датировать каждый слой, что блестяще делали Ф. Петри и Л. Винсент, но и определять его продолжительность, восстанавливая последовательность развития культуры.

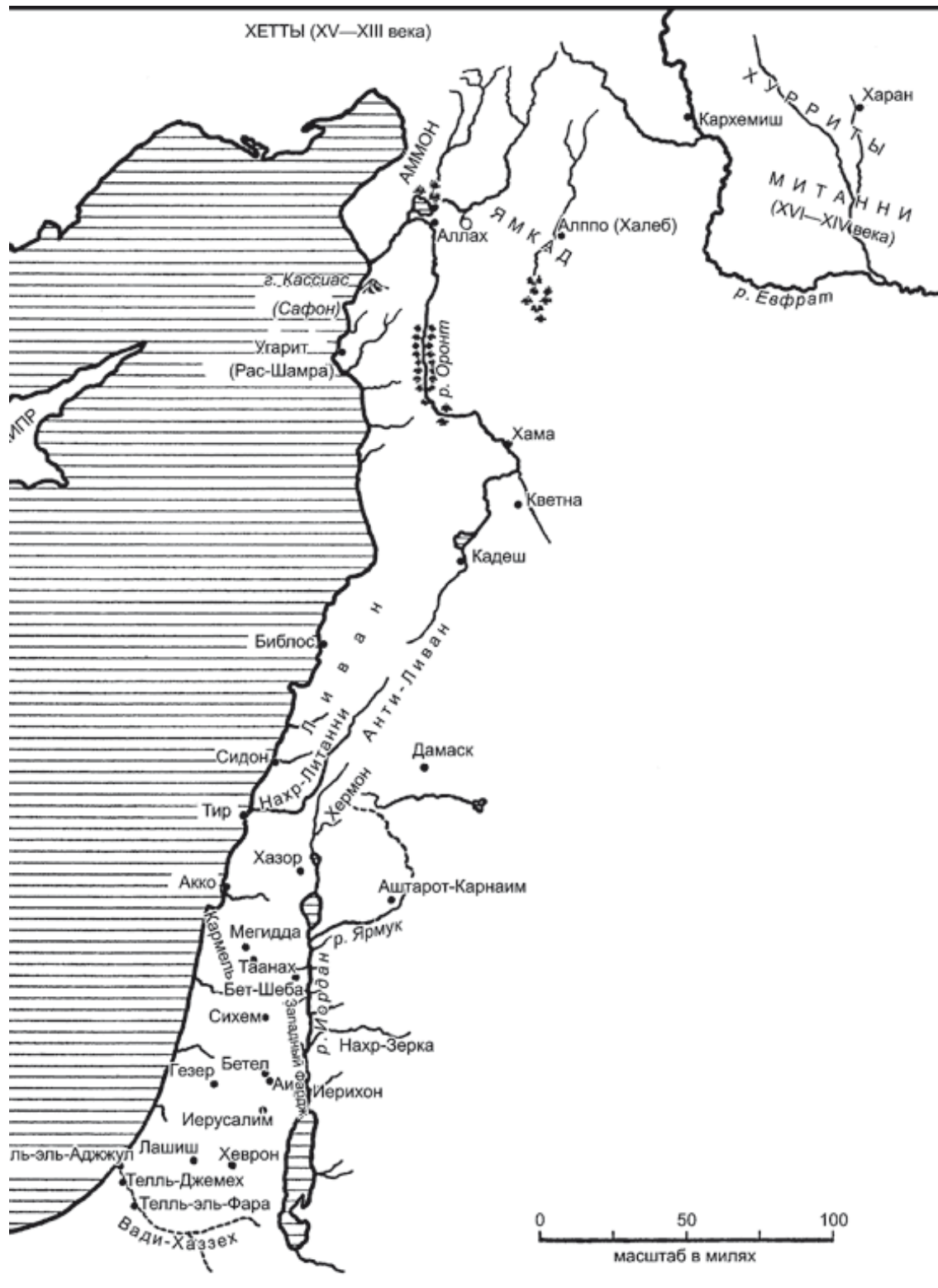

Рис. 3. Карта Ханаана во втором тысячелетии до н. э., основные археологические стоянки

Это привело к значительному расширению поля зрения ученых по сравнению с книгой Л. Винсента. В настоящей работе мы опираемся на весь комплекс имеющихся находок, во многом пересматривая результаты первых раскопок в Палестине. Результаты экспедиций последних лет в Мегиддо, Тель-эль-Аджжале, Тель-Джеммехе и Тель-эль-Фарра в Вади-Газзехе, Тель-бейт-Мирсима (возможно, древний Кирят-Сефер, также называвшийся Дебиро), Тель-эд-Дувейра (возможно, Древний Лашиш) у юго-западного подножия гор Иуды,

Бетеле, Бет-Шане, Иерихоне, Сихеме, Наблус, Яффа, Хайфа и во многих других пунктах Палестины, а также в Библосе и Рас-Шамре на сирийском побережье и в Кветне, Хаме и Атшане (Древний Алалах) в долине Оронта существенно обогатили наши знания о Древнем Ханаане. Начиная с раннего периода, развитие общества на Ближнем Востоке можно легко проиллюстрировать результатами названных раскопок.

Рамки нашей работы ограничены изучением истории и культуры Ханаана во втором тысячелетии до н. э., когда началось проникновение туда израильтян и формировалась финикийская культура последнего дохристианского тысячелетия. Открытия последнего времени привели к пересмотру традиционной точки зрения, принятой после работы Л. Винсента. Занимавшая центральное положение Палестина оказалась провинцией по сравнению с великими городами, расположенными на сирийском побережье.

Если не принимать в расчет египетские документы из Эль-Амарны, которые в основном связаны с политическими событиями, Л. Винсент опирался на материальные свидетельства, которые в данном случае были далеко не полными. Он рассматривал типы крепостных сооружений, жилищ, общественных зданий, например храмов. Посредством анализа различных типов керамики он пытался выявить основные фазы развития культуры на данной территории и установить источники иностранного влияния. Подобная реконструкция была достаточно субъективной, особенно в том, что касалось особенностей внутренней жизни и образа мысли людей.

К счастью, сегодня археологам больше не приходится опираться на догадки. Многие предположения отца Винсента подтверждаются не только данными археологических раскопок, но и более полным представлением о всей истории Ближнего Востока, а также потоком документальных свидетельств, относящихся ко второму тысячелетию.

Линейные алфавитные надписи из Синая и Лахиша, надписи из Шафаат, Баала и Ахирама из Библоса, календарь X века из Хазора, несмотря на краткость записей, имеют высокую ценность как источники. Однако они меркнут в сравнении с огромным количеством глиняных табличек из Рас-Шамры, написанных аккадским слоговым письмом и ханаанитской алфавитной клинописью, которые отражают политическую, социальную, религиозную и литературную жизнь Ханаана в конце бронзового века, особенно на протяжении XIV и XIII веков до н. э.

Вместе с аккадскими табличками из Атшаны они существенно расширяют наше представление о политической ситуации в Северной Сирии, полученное на основе табличек из Эль-Амарны, а также проясняют отдельные аспекты светской и религиозной жизни, сведения о которых в связи с назначением амарнских табличек были достаточно скудными.

Кроме ханаанских источников, пролить свет на политические и культурные контакты этой территории с Месопотамией во времена вавилонского царя Хаммурапи (приблизительно около 1700 года) помогают клинописные тексты из канцелярии города Аморита и египетские надписи. Некоторые из них были известны уже во времена отца Винсента, но с тех пор их дополнили в ходе новых открытий. Прежде всего это заклинательные тексты XIX столетия, которые рассказывают о поселении аморитских племен в стратегически важных центрах Южной Сирии и Палестины, о которых нам известно, что во втором тысячелетии до н. э. они принадлежала ханаанитам.

Все эти письменные свидетельства позволяют реконструировать историю развития ханаанской цивилизации от ее зарождения в конце третьего тысячелетия до н. э. до периода расцвета в XIV–XIII веках. Тексты из Рас-Шамры позволяют воссоздать заключительную стадию ее развития. Их полнота превосходит самые оптимистические ожидания ученых предшествующего поколения. И все же они неполны, поэтому не следует пренебрегать всем комплексом данных, в том числе археологическими находками, сделанными в Сирии и Палестине. Для получения объективной картины истории Ханаана в середине и конце бронзового века (приблизительно с 2000-го по 1200 год до н. э.) нужно учитывать события, происходящие на при-

легающих к нему территориях, рассматривая Ближний Восток как единое культурное сообщество с изменениями, вызванными местными экологическими условиями.

Глава 2

История и район обитания

Ханаан относится к тем районам, в которых издревле пересекалось множество дорог в Египет, Месопотамию и Анатолию; кроме того, через него проходил очень важный торговый путь из Европы в Азию. Прибрежные районы Ближнего Востока были последней населенной землей перед безбрежными пустынями Северной Аравии, откуда ежегодно приходили кочевники-амориты, искавшие свободные пастбища или стремившиеся ограбить удаленные друг от друга поселения, жители которых только что собрали очередной урожай. Скорее всего, амориты расселились здесь в конце третьего или начале второго тысячелетия, образовав в начале железного века, то есть приблизительно в 1200 году, великую конфедерацию арамейских племен. Общее происхождение и постоянные контакты с семитскими племенами, жившими в глубине аравийской пустыни, постепенно привели к выработке общего уклада жизни и нивелированию этнических и культурных различий между отдельными племенами.

В четвертом тысячелетии влияние Месопотамии прослеживается в отпечатках на семитской керамике из Мегиддо, а также в характерной росписи одного и того же периода из долины нижнего Оронта (керамические изделия из Телль-Халафа и Убайды) и из Рас-Шамры (уровни IV и III).

Сложнее установить степень проникновения на запад (в Амурру или Аморитские земли) войск аккадского царя Саргона, которого в Книгах Пророков необоснованно называют покорителем «той земли, где садится солнце и горы сплошь заросли кедром». Скорее всего, в первый имперский период месопотамской истории Саргон пересек узкий перешеек между Евфратом и морем, чтобы добраться до экономических ресурсов Сирии, в связи с чем он и упоминает о кедре, возможно добывавшемся в Аманусских горах, и установил полный контроль над всей территорией.

Косвенно данные события отразились и в эпической поэме о Гильгамеше, где рассказывается о том, как герои убивают Хуаву, дикого стража кедровых лесов. Клинописные таблички XVIII и XVII веков до н. э. из Мари (средний Евфрат) содержат переписку, которую вели правители городов-государств Ямхада (Алеппо), Угарита, Кветны и Библоса с аморитским правителем в Мари. Как важнейший торговый центр в этой переписке упоминается находящийся в Палестине Гезер (Хазор).

О возрастающем влиянии Месопотамии в конце бронзового века свидетельствуют цилиндрические печати с месопотамскими мотивами и сюжетами аккадских легенд, найденные в Рас-Шамре, Кветне, Атшане, Телль-Таннеке, Сихеме и других местах Сирии и Палестины.

Амарнские таблички времени царствования фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV, содержащие переписку с египетскими чиновниками и местными вассалами из Ханаана (около 1412–1378 годов до н. э.), доказывают, что аккадский язык был дипломатическим языком на всем Ближнем Востоке, включая и Ханаан.

Сихемские таблички указывают и на то, что ханаанские правители, возможно, располагали своими собственными писцами, а также учителями грамоты. Об интенсивных связях с Аккадом свидетельствует обнаруженная в Телль-эль-Амарне запись шумерской легенды об Адапе, человеке, обретшем бессмертие, и обнаруженная близ Мегиддо в 1959 году табличка с написанным аккадской клинописью фрагментом эпоса о Гильгамеше. Таким образом, начиная с конца третьего тысячелетия в Ханаане отмечается четкое влияние месопотамской культуры, которая естественно смешивалась с семитским и аморитским субстратами, носителем которого было доминировавшее в обеих областях население.

О египетском влиянии в Ханаане можно судить по материальным остаткам внутри слоев, относящихся к третьему тысячелетию до н. э., в таких поселениях, как Библос, Рас-Шамра, Мегиддо и Аль, а также из египетских погребальных надписей. На протяжении всего второго тысячелетия количество подобных свидетельств неуклонно возрастает.

Интересы Египта были связаны не только с получением бирюзы и определенного количества меди с Синая, но также и кедровым лесом из Ливана. В папирусе Голенищева, где описываются злоключения посланников Египта во время ослабления его влияния (около 1100 года до н. э.), Библос изображен как главный лесной порт. Интенсивность торговли лесом в начале третьего тысячелетия подтверждается медной головкой для топора, принадлежавшей египетскому лесорубу, одному из членов команды корабля. В надписи упоминается Хеопс, строитель великой пирамиды в Гизе. Этот топор нашли в 1911 году близ устья Нахр-Ибрахима (Адонисе классического периода), то есть в районе современного Бейрута.

Предметы из Египта и печать с архаическими иероглифами, найденные под мостовой более позднего святилища в Библосе, указывают на египетское влияние в местном культе богини плодородия начиная примерно с 3000 года до н. э.

Как показывают находки египетских алебастровых ваз периода древних царств во дворце или храме в Аи, контакты с Египтом не ограничивались континентом, простираясь и на острова. Ослабевшее после вторжений из Азии в последние три века третьего тысячелетия, египетское господство в Ханаане вновь установилось в начале второго тысячелетия.

О существовании уже в XII веке дружественных отношений между Угаритом и Египтом свидетельствуют культовые предметы с картушами (орнаментированными надписями, содержащими почетные титулы и посвящения) фараона Сесотриса I (1980–1935) из XII династии, обнаруженные около храма Дагона в Рас-Шамре. К этому же времени относятся два королевских сфинкса с картушем Аменемхета III (1849–1801) и статуи других египетских богов, найденные поблизости от храма Ваала. Скорее всего, это приношения в знак уважения к местным богам, выражающие добрую волю фараона. Вместе с тем монументальные статуи египетских богов должны были вызвать у местных жителей страх перед его силой и великолепием.

Особый интерес представляет сидячая фигура царицы Кхумет-нофр-Нех (Кхумет – «красивейшая», «венценосная»), жены Сесотриса II (1906–1887). Но самым совершенным считается сфинкс другой жены фараона, принцессы Ита, обнаруженный в Кветне примерно в 11 милях к северо-востоку от Хомса.

Профессор Шеффер считает, что обе царицы были местными ханаанскими принцессами, на которых фараон женился из политических соображений и в соответствии с местной традицией, которой следовали и фараоны поздней XVIII династии, что подтверждается свидетельствами на амарнских табличках. О влиянии Египта в Ханаане свидетельствует и множество жертвенных предметов и подарков из золота, обнаруженных в храмах и царских захоронениях в Библосе, относящихся к XIX–XVIII векам до н. э. Примечательно, что и орнаментика короны царей Библоса содержит такие типично египетские мотивы, как скипетр и столб, увенчанные изображением королевской кобры. Они символизируют процветание, жизнь, благополучие и незыблемость власти фараона.

Однако не всегда отношения между отдельными правителями Ханаана носили дружественный характер. Они были воинственными вождями, и их приход в Ханаан в конце третьего тысячелетия отмечен разрушенными поселениями, которые обнаруживаются в раскопках по всей территории – в Рас-Шамре, Библосе, Хаме, Бет-Шане, Аи, Иерихоне, Гезере, Ашкелоне, а также в Таанахе и Мегиддо. Отмечены два периода сравнительного затишья – с 2400-го по 2300 год и с 2100-го по 2000 год.

Первым значительным документальным свидетельством, подчеркивающим стремление Египта получить контроль над Ханааном в середине бронзового века (с 2000-го по 1600 год до н. э.), являются две группы надписей, содержащих тексты проклятий. Первую группу состав-

ляют надписи иератическим письмом и стилизованными иероглифами на сосудах, которые были разбиты во время совершения обряда проклинания врагов. К сожалению, мы не можем установить место их обнаружения и, соответственно, археологический контекст. Их купили в Луксоре сотрудники Берлинского музея древностей. Палеографическую датировку провел известный египтолог Дж. Позенер примерно в 1850 году.

В этих текстах содержится перечисление врагов Египта, среди которых упоминается ряд вождей и местных правителей из Северной Сирии и Палестины, что свидетельствует не только о заинтересованности египтян в этих землях. Перечисление имен документально отражает этнический состав жителей Ханаана и позволяет установить характер его заселения в самом начале рассматриваемого нами периода.

Кроме того, имена вождей отражают и их верования, поскольку все они теофорны, то есть включают имена богов. По форме они идентичны с аморитскими или протоарамейскими именами кочевников, которые вторглись в Месопотамию из северных арабских степей в конце третьего тысячелетия и сохраняли власть в Вавилоне с 1800 года до н. э. на протяжении правления I аморитской династии.

В основном в них употребляются те же самые наименования и атрибуты богов, что и в аморитских именах Месопотамии того же периода. Они также соответствуют по форме еврейским собственным именам, особенно именам патриархов, обычно принимавшим имена богов или их развернутые определения, соединяя существительное или прилагательное с глагольным предикатом.

Благодаря их именам мы получаем информацию и о группах мужественных аморитов, которые прорвались из североарабских степей на плодородные земли Месопотамии и Сирии, и о тех богах, которым они поклонялись.

По текстам проклятий можно составить представление о политической и социальной организации аморитского населения Ханаана, а также об их переходе в XIX веке до н. э. от родоплеменной структуры к оседлым сообществам – поселениям. В более ранних текстах из Луксора, например, упоминаются несколько вождей, проживавших в одном и том же районе. Так, в Иерусалиме было два вождя, а в Аскалоне – три.

Существование выявленных нами автономных племенных объединений, возникавших в результате постепенного увеличения числа кочевников, четко подтверждается открытием доктора Катлин Кеньон в Иерихоне. Она установила, что захватчики, уничтожившие последние поселения раннего бронзового века, одновременно применяли не менее пяти различных форм погребения.

Племенная организация, о которой упоминается в луксорских текстах, и личные имена, в которых имена богов соединяются с терминами родства, обозначающими кровных родственников – амму (дядя со стороны отца), хали (дядя со стороны матери) или абу (отец), подтверждает, что ее носители – выходцы из степей Северной Аравии. Отраженные в них социальные взаимосвязи и характер подчиненности и сплоченности внутри родственных групп являются важным фактором для выживания племени в условиях пустыни. Племенные объединения, которые сложились и существовали на территории Ханаана на протяжении всего второго тысячелетия, образовались из представителей разных независимых групп. Множественные различия между ними, так и оставшиеся непреодоленными, а также ограниченное количество плодородной земли следали обитателей Ханаана легкой добычей для таких безжалостных и сплоченных агрессоров, как Израиль и многочисленные арамейские племенные объединения начала железного века (около 1200–1000 годов до н. э.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.